

Намедни к нам зашел Парфенов

Газета «Речь» напугала Парфенова и Троицкого шахидками

...Именно что зашел. По пути и пешком. Съёмки фильма об Александре Башлачеве идут своим географическим путем — Москва и Санкт-Петербург отсняты, Череповец в процессе, Екатеринбург впереди. О проекте телеканала «Россия» «Речь» писала не далее как во вторник. «Это не мой фильм» «Здравствуйте, Елена! С вами говорит Леонид Парфенов. Мы снимаем фильм о Башлачеве», — услышала в телефонной трубке наш главный редактор Елена Бегляк вечером в среду. «Отлично, вы где?» — «Стою внизу возле турникета». Охранник Издательского дома «Череповец» Валерий повидал на своем посту всякого, а потому, хотя и узнал звезду российского телевидения, предложил обычную процедуру: позвоните, за вами спустятся. Объяснив, что кабинеты бывшего «Коммуниста», где в середине 80-х работал Башлачев, сейчас занимает редакция «Голоса Череповца», Леонида Парфенова, а вместе с ним съёмочную группу и консультанта фильма Артемия Троицкого повели в указанную редакцию. Когда Парфенов, поднимаясь по лестнице, бросил фразу, услышанную мной, как «это немой фильм», подумалось: а зачем же здесь звукооператор с микрофоном?.. Потом все встало на свои места. «Это не мой фильм, — открещивается Парфенов на мои расспросы о проекте. — Телеканал «Россия» попросил». По-парфеновски Хотя фильм действительно не его, снимают чисто по-парфеновски — видимо, изобретенный им несколько лет назад телеязык прочно вошел в профессиональный «лексикон» наших деятелей голубого экрана. По-парфеновски — значит быстро, с колес, вживую. Парфенов и Троицкий прилетели на день, группа на два. Не надейтесь, что вам позвонят заранее — причешитесь, мол, подготовьтесь, заучите то, что намерены сказать. Ничего подобного, на пленку согласно новой стилистике попадут и ваше удивленное от неожиданности лицо, и сбивчивая речь, и раздражающее пиликанье телефона на вашем столе... По всей видимости, сценария с раскадровкой у москвичей не было и в помине. Не знаем, сколько заплатят Парфенову за участие в фильме, но на гиде «россияне» точно сэкономили — Леонид, славящийся феноменальной памятью, целый день водил режиссера с оператором по Череповцу и его окрестностям. «Наши с Сашей Башлачевым бабушки из одной деревни, вот только что мы приехали из Коротова, там снимали», — говорит он. Похоже, череповецкая часть фильма держится исключительно на воспоминаниях создателя «Намедни». Красный уголок Распаренные, в расстегнутых куртках на меху, так и не снятых за все время пребывания в Издательском доме, шагали они по лестницам на второй этаж. Артемий Троицкий и вовсе по-ленински: одна рука в кармане, в другой зажата кепка-бейсболка. «Здесь, кажется, был длинный коридор, а этой перегородки не было», — машет во все стороны руками Парфенов, как будто он построил это здание. На восхищенно-удивленные взгляды окружающих внимания не обращает. «А вот и Сашин кабинет», — останавливается Леонид перед дверью помещения, которое уже давно не кабинет,

а формное отделение. Дверь отпирают. «Красного уголка» имени Башлачева мы там не обнаруживаем, да и тот самый уголок у входа, где, по воспоминаниям Парфенова, сидел Александр, занимает теперь железный шкаф. «Снимаем», — командует экс-энтэвэшник «не своим» оператору и звукорежиссеру, хотя те и так фиксируют каждый его шаг еще от турникета. «Башлачев сидел на маленьком колченогом стульчике, — говорит он в камеру. — Стульчик, помнится, был обит зеленой тканью. Он сидел у входа, и когда старшие товарищи пытались войти в кабинет, всегда ворчали, что он им мешает». Огромный микрофон, обтянутый шерстью явно животного происхождения, который во время съемки сунул свой мохнатый нос в каждый угол, движимый с помощью полутораметрового штатива и звукорежиссера, перестал трещать — звук записан. Парфенов на секунду прекратил свое непрерывное движение и задумался. Чем, конечно, тут же воспользовались мы. Феноменальная память — Не уделите нам несколько минут? Сергей Виноградов, журналист газеты «Речь»... — Шахидки на первой полосе. Пока в самолете летели, читали вашу газету. Вы нас даже немножко напугали. Услышав, что Леонид Парфенов рассказывает что-то новое и интересное, мохнатый микрофон принюхался и с жужжанием перелетел к нам. Камера поспежала следом. Весь наш дальнейший разговор записывался. — Вы в последнее время в Череповце часто бываете? — В Череповце нечасто. Моя мама живет по большей части в деревне, в районе. Вот к ней приезжаю довольно регулярно. — Пройдя этими коридорами, где вы все знаете, что испытываете сейчас... — Я же здесь не работал, так, заходил несколько раз. Своего отношения у меня к этому нет. Помню, что стены здесь тогда были очень неопрятные. Далее мы довели до сведения телевизионщиков, что телефонный номер, на котором «сидел» Александр Башлачев, до сих пор работает в одном из журналистских кабинетов. Парфенов, не задумываясь, произносит набор цифр. Но сам же себя поправляет: «Нет, это домашний». Феноменальная память? «Андрюшанов, Гагарина, Ненастьяев — этих помню», — загибал пальцы Парфенов, вспоминая всех, кто сидел в кабинете вместе с Башлачевым. «Нам нужен коммунист», — как скороговорку, повторяла режиссер, позже представившаяся Ксенией. Ее не понимали. «Того, кто работал в старом «Коммунисте» вместе с Башлачевым?» — догадался кто-то. Таких в обеих редакциях осталось всего двое — корректор в «Голосе...» и фотограф Николай Викторов в «Речи». Поговорив с ними, москвичи начали сворачиваться, рассказав, что уже побывали в квартире, которую некогда снимал Башлачев, собираются посетить его родителей и старый ДК на Советском проспекте, где прозвучали первые песни череповецкого барда. Вчера мы созвонились с мамой Александра Нелли Николаевной. «Да, они звонили, сейчас приедут. Приму их как гостей. Но сама сниматься не буду — тяжело мне это все».

Сергей ВИНОГРАДОВ